

Предисловие публикатора

Издательство «Яуза» переиздаёт в одном томе личные дневники Л.П. Берии с моими комментариями и примечаниями.

Надо сказать, что первая публикация дневников Берии в 2011 году вызвала много бурных и, чаще всего, некорректных дискуссий, одним из результатов которых стало моё знакомство с новым для меня словом «фейк». Я и не знал, а так, оказывается, сейчас называют апокрифические «мемуары», «дневники» и другие якобы исторические документы. Иными словами, многие усомнились в подлинности дневников, однако при этом практически все возражения сводились к классическому: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Но, простите, мы ведь живём не в чеховские времена, люди сегодня менее эмоциональны, и хотелось бы иметь более аргументированные возражения. Пока что моё внимание обратили лишь на то, что в 1953 году Берия пишет: «Вот уже десять лет, как я веду дневник», тогда как дневниковые записи начинаются с 1938 года. Момент интересный, однако здесь всё объясняется явной аберрацией памяти Л.П. Берии. Мы имеем много подобных примеров. Так, даже во времена существования МВД и МГБ СССР высшие руководители СССР называли их между собой по старой привычке «НКВД» и т.д.

Я уже писал, и могу лишь повторить, что буду благодарен за любые корректные замечания, но – по существу, с указанием фактических или хронологических неточностей и т.д. Был бы рад, если бы кто-то из профессиональных текстологов провёл лексическую экспертизу. Хотя сразу скажу, что она вряд ли будет вполне достоверной. Ведь полностью достоверных документов и текстов, вышедших из-под пера Лаврентия Павловича или отражающих его языковой стиль, сейчас, насколько мне известно, почти нет.

Их очень мало.

Даже протоколы его допросов – за исключением их первого блока, относящегося к июлю 1953 года, скорее всего, сфальсифицированы. Достоверные же тексты официальных речей и статей очень сильно отличаются от личных записей по вполне понятным причинам.

Пару слов – об интернет-сомнениях относительно того, что я не представил-де ни одной фотокопии ни одного листа дневников Берии. Но как, с одной стороны, я мог бы их представить, если мне – об этом сказано в данном предисловии ниже – самому их только показали?

С другой стороны, могу заметить скептикам, что если бы мне передали «фейк», то не так уж и сложно было бы мастерам своего дела сфальсифицировать ещё и несколько листов «фотокопий» с тем, чтобы передать мне если не сами «фотокопии», то их сканы с якобы «убранной» «архивной разметкой».

В любом случае достаточно широкий интерес к публикации дневников такой выдающейся исторической фигуры, как Л.П. Берия, показывает, что многолетние усилия клеветников на Берию и его очернителей сегодня всё чаще не имеют успеха и разбиваются о правду истории.

Однако ложь всё ещё сильна – ведь за ней стоит по сути государственный антисталинский и антибериевский «пиар». Впрочем, любой такой «пиар» надо называть скорее антигосударственным и антиобщественным. Он ведь «воспитывает» из молодых поколений моральных и интеллектуальных уродов.

Весной 2011 года я говорил в прямом эфире о Берии на радио «Комсомольской правды», и тогда меня поразила некий молодой человек (кажется, его звали Вадим), который заявил буквально следующее: «Я же *помню*, как Берия лично протыкал раскалённым прутком барабанные перепонки подследственным».

Вадим, безусловно, жертва эпохи, но если у эпохи есть жертвы, то у неё есть и палачи – не так ли? Вот палачам эпохи я, вместе с моими коллегами, и стараюсь противостоять. Это ведь не вопрос личных симпатий или антипатий, а вопрос исторической будущности России.

Что же до непосредственно истории дневников Л.П. Берии, то она началась для меня необычно – как в кино. В 2007 году в издательстве «Яуза» вышла в свет моя книга «Берия. Лучший менеджер XX века». И, конечно, я был рад, что она была встречена с интересом, хотя и не всегда доброжелательным.

И вот осенью 2008 года в моей квартире раздался звонок, и глуховатый голос после того, как его обладатель выяснил, что разговаривает с Сергеем Кремлёвым, осведомился – интересуют ли меня новые материалы о Лаврентии Павловиче?

Я, конечно, ответил, что интересуют, но – смотря какие. Мой неизвестный собеседник сообщил, что знает, что живу я не в Москве, а затем спросил – не собираюсь ли в столицу в ближайшее время?

Я ответил, что собираюсь, и мы договорились о встрече в обусловленный день в Александровском саду. Мне было сообщено, что мой собеседник будет одет в коричневый кожаный плащ «не первой», как было сказано, «молодости», что голова его «украшена ещё более старой, но вполне сохранившейся, абсолютно седой шевелюрой» и что он будет ждать меня у искусственного грота.

«Впрочем, – прибавил он, – если меня не узнаете вы, то я узнаю вас, потому что видел вас несколько раз в телевизионных передачах».

Вскоре я выбрался в Москву и оказался в обычном водовороте московских дел. А когда пришло время, добрался до Александровского сада и почти сразу же увидел у грота седого и очень старого человека. Одет он был в осеннее кожаное пальто добротной кожи, но потёртое, что было объяснимо: покрой пальто был моден то ли в пятидесятые, то ли вообще в тридцатые годы.

Белая голова была непокрыта, серые глаза смотрели изучающе, совсем не по-стариковски. Внешность – славянская, рот волевой, на подбородке – ямка. Роста мой новый знакомый (точнее – таинственный незнакомец) был выше среднего, держался очень прямо, почти спортивно. В левой руке он держал кожаный портфель тоже старинного вида. Я не очень разбираюсь, но, похоже, портфель был настоящей крокодиловой кожи.

Рука у незнакомца оказалась сухой и прохладной. И дело было, как я догадывался, не только в том, что тот памятный для меня московский день выдался хотя и солнечным, но не из тёплых. Незнакомец подтвердил мою догадку, сообщив, что ему пошёл девяностый год. Что ж, в таком возрасте кровь греет плохо.

– Я знаю, что вас зовут Сергей Тарасович, а меня вы можете звать, – тут мой собеседник скупно улыбнулся, – например, Павлом Лаврентьевичем.

Я ответил, что рад знакомству, и умолк, понимая, что всё существенное мне скажет сам «Павел Лаврентьевич».

Так и вышло. Без долгих разговоров «Павел Лаврентьевич» (в том, что это не настоящие его имя и отчество, я не сомневался) сказал, что в портфеле у него лежат дневники Берии.

– Оригинал? – спросил я, заранее не веря в то, что это правда.

– Нет, фотокопии, – ответил мой собеседник.

Я размышлял, соображая, с кем имею дело и не зря ли я ехал сюда через пол-Москвы. Манеры и внешность «Павла Лаврентьевича» к нему располагали, но то, что он сказал, было настолько для меня неожиданным, да и неправдоподобным, что волей-неволей приходилось подозревать в нём, увы, мошенника.

«Павел» же «Лаврентьевич» весело посмотрел на меня и осведомился:

– Хотите убедиться?

Что мне оставалось? Я, конечно, сказал, что хочу, и спросил, на какое время и на каких условиях «Павел Лаврентьевич» может мне эти бумаги оставить.

– Оставить я их вам не могу, – услышал я ответ. – Не могу и сообщить в деталях, как они у меня оказались.

Тут у меня появилось естественное желание немедленно откланяться. Однако я сдержался и поинтересовался в свой черёд: как же тогда мы с ним будем сотрудничать, как он объясняет наличие такого сенса-

ционного материала в старом портфеле, кто он, в конце концов, и чем может подтвердить подлинность документа?

«Павел Лаврентьевич» невозмутимо выслушал меня и сказал:

– Уважаемый Сергей Тарасович! Ваши сомнения вполне законны. Я вам всё, что могу объяснить и хочу объяснить, объясню. А уж там решайте сами, верить мне или нет и сотрудничать со мной или нет. Причём сотрудничество наше, предупреджу вас сразу, будет кратким. Сейчас я покажу вам сами дневники, точнее часть их. Дело в том, что оригинал представлял собой очень толстую стопку отдельных листов. Полная фотокопия, естественно, ещё толще. Поэтому я привёз вам не всё, но, думаю, этого хватит. Надеюсь, вы достаточно знакомы с почерком Лаврентия Павловича, чтобы убедиться, что почерк автора дневников похож на бериевский. Конечно, вы не графолог, но это вам хоть какая-то дополнительная гарантия. Вы просмотрите эти листы, а затем я передам вам электронную копию дневников.

– Отсканированную? – тут же спросил я.

– Нет, просто набранный текст.

– А кто его набирал?

– Это для вас не должно быть важно. Я не могу сказать вам много, но сообщу, что мы, – это «мы» я сразу же отметил и взял на заметку, – не имеем возможности передать вам насовсем ни фотокопию, ни ксерокопию, ни скан фотокопии. Вы увидите, что там есть пометки, архивные легенды и прочие приметы, которые могут стать существенными для чрезмерно любопытных субъектов. А нам это ни к чему.

– То есть вы, как я понимаю, имеете или имели доступ к очень закрытым архивам? – предположил я.

– Имели, – сухо ответил «Павел Лаврентьевич».

И вот тут я почему-то подумал, что он, возможно, не врёт. Вполне могли быть люди, которые относились к Берии лояльно, имели доступ к изъятым у него бумагам и предприняли шаги по их копированию на случай уничтожения хрущёвцами или другими подлецами.

– А оригиналы сейчас где-то имеются? – спросил я.

– Этого я вам тоже сказать не могу. Кстати, я не могу вам и гарантировать, что вы получите полные дневники. Там имеются большие лакуны в целые месяцы. Возможно, он просто забрасывал на это время дневник, возможно часть листов была уничтожена. А кое-что мы просто не успели переснять.

Мой собеседник был стар, и я задал естественный вопрос:

– А вы лично были знакомы с Лаврентием Павловичем?

– Ну, говорить о знакомстве я не могу, но я знал его немного лично, а кое с кем из тех, кто знал его хорошо, я был знаком.

Сказав это, «Павел Лаврентьевич» внимательно посмотрел на меня и прибавил:

– Берия был не просто ярким и талантливым человеком, но был разносторонне талантливым человеком. И при этом – хорошим человеком.

«Павел Лаврентьевич» помолчал, потом спросил:

– Вы помните, кто это сказал и о ком? – и продекламировал: – «Он к товарищам милел людскою лаской, он к врагам вставал железа твёрже»?

– Помню... Маяковский о Ленине.

– Так вот, я бы не сказал, что Лаврентий Павлович был ласков к людям. Но он был к ним внимателен и искренне был заинтересован в том, чтобы людям, которые честно делают своё дело, было хорошо.

«Павел Лаврентьевич» вздохнул.

Затем открыл портфель и протянул мне первую стопку не новой фотобумаги. Я начал её просматривать и увидел знакомую руку. На первый взгляд, это писал действительно Берия.

– Не пойму, – спросил я, – вы передаёте это, ну, пусть не это, а электронную версию, мне? А почему вы не обнародуете их сами? И почему обратились именно ко мне?

– Потому что после прочтения вашего «Берии» я понял, что наконец-то появилась книга, которая позволяет всё расставить на свои места. Мне нравится ваша позиция, Сергей Тарасович, вы написали о Берии глубоко и смело. Я бы сказал, что вы написали о Берии в стиле Берии, который не терпел вливания вокруг да около. Посмотрел я и фильм о Берии, где вы участвовали. Ваша манера говорить и думать мне тоже понравилась. И я решил, что лучшего варианта, чем вы, не найду. Мы хотим, чтобы вы не просто опубликовали эти дневники, но вдумчиво подготовили их к печати и прокомментировали их.

Предложение было заманчивым, и я внутренне уже согласился, но вопросы оставались. В частности, надо было понять – что «Павел Лаврентьевич» запросит за рукопись, как можно удостовериться в её аутентичности, не получая на руки даже копии, надо ли сохранять в тайне обстоятельства получения материалов от «Павла Лаврентьевича»?.. Впрочем, многие вопросы быстро отпали. Оказалось, что «Павел Лаврентьевич» готов передать мне электронную версию дневников бесплатно и без каких-либо письменных расписок и гарантий с моей стороны. «Я вам доверяю», – пояснил он, но заявил, что экспертиза аутентичности по фотокопиям исключена.

– Я понимаю, что вас этот вопрос волнует в первую очередь, – говорил «Павел Лаврентьевич», – но меня он, простите, не волнует. Берите то, что я вам даю, если желаете, и сопоставляйте хронологию, психологию, фактологию и всё, что вам угодно, в рукописи с известными историческими фактами. И сами решайте – аутентична она или нет. Можете издавать эту рукопись с любыми оговорками относительно ваших сомнений в её подлинности. Можете издавать её как собственное литературное произведение или рассматривать её как чью-то литературную мистификацию – как желаете. Никакого раскрытия инкогнито не будет, потому что вы видите меня, дорогой Сергей Тарасович, в первый и последний раз. Условие у меня одно: внимательно изучите это, подготовьте к печати и постарайтесь издать...

«Павел Лаврентьевич» улыбнулся и прибавил:

– Кстати, относительно авторских прав, если вы это будете издавать... Так вот, считайте, что все авторские права мы передаём вам. Впрочем, иначе и быть не может, если публикатором дневников будете вы.

– Но почему так, «Павел Лаврентьевич»? – удивился я. – Вы что, чего-то опасаетесь? Что, в этих дневниках содержится какой-то взрывчатый компромат, какие-то сенсационные разоблачения и всё такое прочее? Почему такая таинственность?

«Павел Лаврентьевич» покачал головой:

– Никакой таинственности, Сергей Тарасович! А сенсации? Нет там никаких «жареных» сенсаций. Мы потому и остановились в конце концов на вас, что ваша книга весьма точно восстанавливает многие обстоятельства. Вы правы не во всём, но в основном попадаете «в точку». И вы увидите, что дневники Лаврентия Павловича подтверждают вашу правоту со всей убедительностью документа эпохи.

Я начинал выходить из себя:

– Тем более! Неужели для вас не важно, чтобы аутентичность была установлена тоже с убедительностью документа? Ваши фотокопии надо отдать на государственную экспертизу! Вы что – не понимаете, что это такое – подлинные дневники Берии?! Если они, конечно, подлинные.

– Они – подлинные. Но убеждать в этом я никого не намерен.

– То есть? – не понял я. – Это же наша история, «Павел Лаврентьевич»! Вы не имеете права!

И тут «Павел Лаврентьевич» подтянулся, как будто пружина распрямилась. Я не верил своим глазам! Передо мной сидел не девяностолетний старик, а почти юноша с молодыми сверкающими глазами.

– Молодой человек! – почти вскричал он. – Я на всё имею право! Это нынешнее время не имеет никаких прав! Вот вы сказали, что содержимое моего портфеля надо передать на государственную экспертизу... Но государственная экспертиза может существовать лишь при наличии государства. А разве то, что мы сейчас имеем – в Москве, в Киеве, да где угодно, за исключением разве что Минска, – это государство? Это Ленин, Сталин и Берия создали могучее государство и возвеличили его! А Хрущ и все остальные заср...цы его проср...ли. Нет сейчас государства, и не отдам я на его «экспертизу» ничего!

«Павел Лаврентьевич» вдруг успокоился, но всё ещё зло заметил:

– Да и не подтвердила бы их подлинность никакая сегодняшняя экспертиза, успокойтесь! Если бы там были описания оргий, описание интимных особенностей изнасилованных девочек и прочая дребедень, то уж тут всё бы подтвердили в лучшем виде. Но в дневниках ничего этого нет – Лаврентий Павлович был человеком скорее аскетического склада, в чём-то даже пуританином, хотя любил хорошо одеться и любил хорошие интерьеры. Но что тут удивительного – он же был архитектором, его дача построена по его же проекту. И хорошему проекту!

Я перебирал листы, а «Павел Лаврентьевич» вдруг хлопнул меня по колену и сказал:

– Знаете, Сергей Тарасович! Разве дело в дневниках Лаврентия Павловича? После таких, как он, осталась держава! Раскройте архивы, поднимите протоколы заседаний, стенограммы, резолюции, проведите экспертизу всех фальшивых доказательств его якобы палачества и садизма – вот уж где экспертиза не помешала бы. И если вы будете объективными, то всё станет на свои места раз и навсегда. И вместо монстра перед нами окажется человек. Очень, к слову, достойный уважения.

Пришло время расставаться. В моём кейсе лежал лазерный диск с электронной версией того, что было представлено мне как дневники Берии.

Мы, уже встав со скамьи, стояли, когда мой собеседник попросил:

– Надеюсь, вы не будете пытаться выяснять, кто я и что я? Прошу вас не делать этого.

«Павел Лаврентьевич» хотел, похоже, сказать ещё что-то, но просто махнул рукой, потом протянул её мне, и я ещё раз пожал её, прохладную, но сухую и крепкую.

На том мы и расстались.

Он ушёл, а я задумался. И задуматься действительно было над чем. То, как некие записи возникли из исторического (вот только – исторического ли?) небытия, позволяло предполагать и тщательно разработанную шутку, на которую не пожалели времени и сил, и литературную мистификацию, и – как ни странно, подлинность, аутентичность дневников Берии.

Первое беглое знакомство с текстом заинтриговало ещё больше. Стилль, детали и многое другое говорили мне, что я читаю дневниковые записи Лаврентия Павловича.

Но...

Но расхожая житейская мудрость рекомендует бояться первого впечатления – оно, мол, обманчиво. Что ж, если ты неопытен, то на первое впечатление лучше не полагаться и с окончательными выводами повременить. Но если ты сведущ в чём-то, то на первое впечатление можно и положиться. Недаром говорят, что информация – мать интуиции. Ведь развитая интуиция – это, как правило, умение мгновенно оценить ситуацию или информацию с учётом всего того массива знаний и опыта, которыми человек обладает. И человек с развитой интуицией оценивает ситуацию верно с одного взгляда. В том, конечно, случае, если в голове у него уже до этого был накоплен действительно массив информации, а не жалкая кучка разрозненных и примитивных знаний. Я знал о Лаврентии Павловиче не так уж и мало. И моё первое впечатление не без оснований склоняло к вере в подлинность текста.

А второе впечатление?

А третье?

Да, я знал не так уж и мало. Однако я знал всё же намного меньше

того, что надо бы о Берии знать, чтобы вот так, сразу, выносить тот или иной вердикт. Слишком скудна достоверная информация о Лаврентии Павловиче. Полностью достоверными можно считать лишь сведения, содержащиеся в архивных документах, несущих на себе тот или иной отпечаток деятельности Берии, но широкого доступа к архивам «по Берии» не имеет по сей день никто. Если же кто-то хотя бы частичный доступ и получал, как, например, прокурор Сухомлинов, который изучал «следственное дело» Берии (явно расстрелянного к тому времени, когда стряпалось «его» «дело»), то вряд ли автор книги «Кто вы, Лаврентий Берия?» был заинтересован в воссоздании подлинного облика Лаврентия Павловича.

Но то, что это – не облик монстра (как назвал его ныне лижущий сковородки в аду генерал Волкогонов), не садиста и не самодура, явствует как из документов, так и из факта отсутствия неких документов. Ведь по сей день никто из клеветников на Берию не представил каких-либо архивных *документов*, которые достоверно обличали бы Берию как «зверя» и показывали бы его в виде «кровавого палача». Думаю, если бы таковые документы в распоряжении «демократов» и либералов имелись, они бы трясли ими на всех углах.

Но вот же – не трясут.

Бывший ленинградский, а ныне санкт-петербургский «историк» Лев Лурье обещал мне переслать горы свидетельств якобы «палачества» Берии, якобы отысканных им и съёмочной группой фильма «Подсудимый Берия» в архивах КГБ Грузинской ССР. Однако «обличительных документов» я не дождался. Не были они представлены и на экране.

Нет подобных доказательств и в опубликованных документах той эпохи (фальшивки типа «катынских» документами считаться, естественно, не могут).

Зато имеются опубликованные документы, доказывающие обратное. И они показывают Берию как порой жёсткого, но человеческого управленца, забота которого о людях выражалась не в похлопывании их по плечу, а в обеспечении нормальных – насколько это зависит от руководителя – условий для проявления людьми деловых качеств, а также в разумной заботе о быте тех, чьи судьбы тебе вверены.

Однако того, что мы пока имеем, явно недостаточно для составления подробной биографии Лаврентия Павловича, то есть – летописи жизни и деятельности исторического лица по дням, а порой и по часам. Если бы она была, можно было бы сравнить с ней тот текст, который «Павел Лаврентьевич» предложил мне как дневники Берии. Увы, биографии Берии мы не имеем, так что даже поверхностная идентификация текста представляла собой проблему.

Я раздумывал...

Грубых, сразу же различимых накладок в дневниковом тексте не было. Но само по себе это не доказывало ничего, хотя всё, что я до-

стоверно знал о Берии, позволяло толковать лежащую передо мной распечатку как подлинный документ эпохи.

Интересным был вопрос, как расценивать то, что оригинал, как следовало из фотокопий, был написан на русском языке. Насколько этот факт доказывал аутентичность текста или, напротив, его поддельность?

Берия был мингрелом, и его родным языком был, конечно, грузинский. Однако и русский язык он знал уже с детства. И то, что дневник написан на русском языке, лично для меня оказывалось лишним доказательством его аутентичности – во всяком случае с психологической стороны. Позволю себе остановиться на этом подробнее...

Во-первых, в том первом учебном заведении, которое окончил юный Берия – в Сухумской начальной горской школе (её ещё аттестуют как Сухумское высшее начальное училище), преподаванию русского языка отводилось одно из главных мест, а в школе кроме абхазов и мингрелов работали и русские преподаватели. Абхазские преподаватели – Ф.Х. Эшба, Д.И. Гулия, А.М. Чочуа, Н.С. Джанания – были известными в Абхазии интеллигентами, а передовая часть абхазского общества естественным образом тянулась именно к России и русским. Так что уже в детстве Берия стал вполне русскоязычным.

Далее...

Не знаю, как хорошо Берия владел грузинской письменностью. То, что он ею владел, – вне сомнения, ведь он учился в абхазской школе, на Кавказе. Но так же вне сомнения, что он рано перешёл в письме на русский язык. И это объяснимо с любой точки зрения. Берия хорошо понимал значение русского языка для успеха в жизни. А за то, что он был рано ориентирован – самим собой – на достижение такой цели, говорит вся его последующая биография. Лаврентий Павлович всегда имел ярко выраженную огромную трудоспособность и настолько незаурядную натуру, что был бы обречён на успех даже в условиях царской России. У него ведь были явные инженерные и организаторские способности и склонности.

Впрочем, его деятельная натура в условиях нарастающей дестабилизации в Российской империи могла бы привести его и в стан профессиональных революционеров. Берия был бескорыстен, в личных запросах достаточно скромн и эмоционально подвижен. Собственно, в надвинувшихся на Россию грозных бурях он ведь и выбрал судьбу не свидетеля, а участника эпохи, отдавшись борьбе на «красной» стороне баррикад.

В любом случае – и для инженерной карьеры, и для революционной работы – хорошее знание русского языка было необходимо. Причём навык письменности был даже важнее, чем разговорные навыки. Вспомним Сталина. Его первые работы были опубликованы в тифлисской социал-демократической газете «Брдзола» («Борьба») на грузинском языке, но Сталин быстро перешёл на русский, без чего его